

Огонь и Лёд

by: ЖАННА ПРОСЕККО

18+

Жанна Просекко

Огонь и Лёд

Серия «Шёлк и Сталь», книга 1

<https://litres.ru/74325082>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она пересекла пол-России, чтобы найти его. Он встретил её ледяным молчанием. Граф Пётр Александров, сосланный на Кавказ за дерзость, не простил Марии её публичного отречения. Для неё он — последняя надежда на спасение. Для него она — напоминание о позоре.

Но Император не забыл свою беглянку. Новый приказ, ещё более жестокий, чем ссылка, загоняет обоих в ловушку. Среди гор, выстрелов и горьких признаний Марии придётся заново завоёвывать его доверие. А ему — решить, что сильнее: старая обида или женщина, которую он так и не смог забыть.

Письмо из Петербурга всё меняет. Мария должна сделать выбор: остаться с любимым или вернуться в ад, из которого сбежала. Император знает, куда бить, — и бьёт в самое сердце.

Вторая книга трилогии.

Содержание

Глава 1. Ледяной порог	4
Глава 2. Чужая на войне	13
Глава 3. Тень Императора	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Жанна Просекко

Огонь и Лёд

Глава 1. Ледяной порог

Кавказ встретил её не тишиной гор, а рёвом горной реки — бешеной, мутной от талого снега, несущейся по ущелью с такой силой, что дрожала земля под копытами лошадей. Мария никогда не слышала ничего подобного. В Петербурге вода была покорной, закованной в гранит набережных и в ледяной панцирь Невы. Здесь же вода была дикой, свободной и смертельно опасной — как и всё вокруг.

Кибитка, нанятая в Ставрополе, не смогла пройти дальше. Последние сорок вёрст до расположения действующей армии Мария преодолела верхом — в неудобном, чужом седле, в мужском дорожном костюме, который ей раздобыла Жюстина ещё в Петербурге. Ноги были стёрты в кровь, спина ныла, а лицо, некогда гордое и надменное, обгорело на горном солнце и потрескалось от ветра. От той блистательной графини де Метресс, что сводила с ума петербургский свет, осталась лишь тень — худая, измученная, но с тем же самым огнём в глазах, который когда-то заставил Императора потеть голову.

Она не знала, жив ли он.

Три месяца пути — через метели, через весеннюю распутицу, через бесконечные версты российского бездорожья — она гнала вперёд только одна мысль: «Я должна его найти. Я должна сказать ему правду. Я должна вымолить прощение — или хотя бы умереть у его ног». Последнее казалось более вероятным, но Мария гнала от себя эти мысли. Она слишком много пережила, чтобы сдаться теперь.

— Барыня, вона лагерь, — буркнул её провожатый, угрюмый казак с обветренным лицом, и указал плёткой вперёд. — Экспедиционный отряд полковника Воронцова. Тута ваш граф и обретается, ежели живой.

Мария прищурилась. Внизу, в долине, окутанной вечерним туманом, горели костры. Белые палатки, ряды пушек, силуэты часовых на временных бастионах — всё это выглядело чужим, грозным и совершенно не предназначенным для женщины. Но она уже приняла решение. Там, где нет места для женщины, она создаст его сама.

Когда Мария въехала в лагерь, на неё смотрели как на привидение.

Солдаты, сидевшие у костров, замолкали на полуслове и провожали её изумлёнными взглядами. Офицеры, игравшие в карты под навесом, замерли, не донеся стаканы до рта. Кавказская армия привыкла ко многому — к смерти, к крови, к горским налётам, — но к появлению посреди военного лагеря одинокой женщины, верхом, в пропылённом мужском

костюме и с выражением лица, не предвещавшим ничего хорошего, здесь не привык никто.

— Мне нужен граф Александров, — произнесла Мария, спешиваясь с лошади и едва не падая от усталости. Голос её был хриплым, но твёрдым. — Граф Пётр Алексеевич Александров. Где он?

Молоденький поручик с перевязанной рукой, оказавшийся ближе всех, вытаращил глаза и, запинаясь, пробормотал:

— Сударыня... вы кто? Здесь нельзя находиться посторонним, тем более дамам. Это действующая армия, тут пули летают!

— Я не посторонняя, — отрезала Мария, и в её голосе прорезался тот самый металл, которым когда-то говорил с ней Император. — Я графиня де Метресс. И я спрашиваю вас: где граф Александров?

Поручик, видимо, был слишком молод и слишком испуган, чтобы спорить с женщиной, говорившей тоном командующего. Он махнул рукой в сторону дальних палаток, и Мария, не поблагодарив, двинулась туда.

Она нашла его у костра.

Он сидел на походном стуле, спиной к ней, и что-то говорил двум офицерам, склонившимся над картой. Его голос — тот самый голос, что когда-то произнёс: «Я прошу вас, Государь, не унижать её», — звучал устало, но всё так же твёрдо. На нём был простой армейский сюртук, без эполет и орденов, и только серебряный аксельбант указывал на его

принадлежность к конногвардейской элите. Рядом с ним, на складном столике, лежала сабля и недопитый стакан чая.

Мария остановилась в нескольких шагах. Сердце колотилось так, что, казалось, его слышно на весь лагерь. Вот он. Живой. Тот самый человек, ради которого она проехала пол-России, бросила детей, сожгла все мосты. Тот самый, кого она предала, а теперь собиралась вернуть.

— Пётр Алексеевич, — произнесла она, и голос её дрогнул.

Он не обернулся сразу. Его плечи чуть напряглись, рука, державшая карандаш, замерла. А затем он медленно, очень медленно повернул голову, и их глаза встретились.

Мария ожидала чего угодно. Радости. Гнева. Удивления. Но она не ожидала того, что увидела. Пустоту. Ледяную, бесконечную, глухую пустоту в серых глазах, которые когда-то смотрели на неё с такой любовью и болью.

— Здравствуйте, графиня, — произнёс он ровным, ничего не выражающим голосом, каким говорят с незванным гостем. — Какими судьбами?

Офицеры, сидевшие рядом, недоумённо переглянулись. Мария сделала шаг вперёд.

— Я приехала к вам. Я проехала три тысячи вёрст, чтобы...

— Вы проделали долгий путь, — перебил он, и в его голосе не было ни сочувствия, ни интереса. — Напрасно. Вам здесь не место.

Он отвернулся обратно к карте, словно она была не более чем досадной помехой. Мария застыла, чувствуя, как к горлу подступает ком. Это было не то, что она себе представляла. Не то, о чём она молилась долгими ночами в дороге. Там, в её мечтах, он смотрел на неё с прощением, с пониманием, с той самой теплотой, что сияла в его глазах на балу. Но здесь, сейчас, перед ней сидел чужой человек. Ледяной. Отстранённый. Гордый.

— Я понимаю, что вы сердитесь на меня, — продолжила она, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Я понимаю, что заслужила ваш гнев. Но я прошу вас — выслушайте меня. Дайте мне пять минут. Всего пять минут, и если вы после этого скажете мне убираться, я уйду навсегда.

Он не ответил. Только взял карандаш и что-то отметил на карте — с таким видом, будто её слова были не важнее жужжания мухи.

— Пётр Алексеевич, — повторила она, и на этот раз голос её зазвенел от отчаяния. — Я оставила ради вас всё. Я сбежала из Петербурга. Я написала Императору, что люблю вас. Я бросила детей, дом, всё, что у меня было, — и поехала к вам. Неужели вы не дадите мне даже минуты?

Он поднял голову. И в его серых глазах наконец-то промелькнуло что-то живое. Не радость. Не любовь. Гнев. Холодный, сдерживаемый с трудом гнев.

— Вы бросили детей? — переспросил он тихо. — Своих детей? Чтобы поехать за мной?

Мария запнулась.

— Да... я...

— Тогда вы ещё безумнее, чем я думал, — отрезал он и поднялся со стула. — Возвращайтесь, графиня. Возвращайтесь в Петербург, к своим детям, к своей жизни. Здесь вам нечего делать. Меня спасти не нужно.

— Я не спасти вас приехала! — выкрикнула она, и слёзы, которые она сдерживала весь этот путь, наконец-то хлынули по её обветренным щекам. — Я приехала просить прощения! Я была трусихой, я предала вас, я солгала тогда на балу! И я знаю, что недостойна вас! Но я больше не могла там оставаться, понимаете?! Я не могла лежать под ним и представлять вас! Я не могла улыбаться ему и вспоминать, как вы смотрели на меня! Я умирала там, Пётр Алексеевич! Я умирала — и приехала к вам, чтобы либо воскреснуть, либо умереть по-настоящему!

Она замолчала, тяжело дыша. Вокруг них уже собралась небольшая толпа — солдаты, офицеры, даже лекарь выглянул из лазаретной палатки. Никто не решался вмешиваться. Все молча смотрели на эту странную, невозможную сцену: прекрасная женщина, залитая слезами, и граф Александров, неподвижный как скала.

Он молчал долго. Очень долго. Так долго, что Мария уже решила — всё кончено. Сейчас он скажет ей уходить, и она уйдёт. Прямо в горы, прямо в реку, прямо в никуда.

Но он не сказал.

Вместо этого он подошёл к ней — медленно, тяжело, как человек, который несёт на плечах невидимый груз, — и остановился в шаге. Его глаза, серые и глубокие, смотрели на неё в упор, и в них больше не было пустоты. Там была боль. Такая же острая и свежая, как в тот день, когда она сказала «нет».

— Вы даже не представляете, что я пережил в ту ночь, — произнёс он тихо, так, что слышала только она. — Вы не представляете, каково это — бросить вызов Императору ради женщины и услышать от неё, что она тебя не любит. Что ты — ошибка. Что ты — никто.

— Вы не никто, — прошептала она. — Вы — всё. Я солгала. Я испугалась. Я десять лет жила в страхе, и когда он спросил меня, я просто... я не смогла. Не смогла перешагнуть через этот страх. Но сейчас я здесь. Я перешагнула.

Он смотрел на неё долго, изучающе, словно пытаясь разглядеть за этой измученной, обветренной женщиной ту блистательную графиню, в которую когда-то влюбился.

— Вы действительно ушли от него, — произнёс он наконец. — Вы действительно бросили всё.

— Да.

— И вы действительно проехали три тысячи вёрст, чтобы найти меня.

— Да.

Он помолчал ещё немного. Затем повернулся к своим офицерам, которые всё ещё стояли с открытыми ртами, и

бросил коротко:

— Господа, совещание окончено. Продолжим завтра.

Когда они ушли, он снова посмотрел на Марию, и на этот раз в его взгляде было что-то новое. Не прощение. Нет. До прощения было ещё далеко. Но что-то похожее на... любопытство? Надежду? Трещину во льду?

— Вы устали с дороги, — сказал он. — Идите к лекарю. Он осмотрит вас и даст чистую палатку. Остальное — завтра. — Но...

— Завтра, — повторил он, и на этот раз его голос прозвучал почти мягко. — Я сказал «завтра», графиня. Вы подождёте до завтра?

— Я подожду, — ответила она, и сердце её забилося чаще. — Я подожду столько, сколько нужно. Хоть год. Хоть десять лет.

— Не обещайте того, чего не сможете выполнить, — сказал он и ушёл в темноту.

Мария осталась стоять у костра, чувствуя, как по лицу снова текут слёзы — но на этот раз это были слёзы облегчения. Он не прогнал её. Он сказал «завтра». А значит, её долгий, безумный, отчаянный путь был проделан не зря.

Где-то вдалеке, в горах, прогремел выстрел — одинокий, сухой, эхом прокатившийся по ущелью. Мария вздрогнула. Она была на Кавказе. Война была здесь, рядом, за ближайшим перевалом. И её любимый человек каждый день рисковал жизнью.

Она не знала, что её ждёт завтра. Не знала, простит ли он её когда-нибудь. Но она знала одно: она больше не уедет. Она останется здесь, в этом лагере, среди пуль и гор, и будет биться за него до последнего вздоха.

Даже если он сам этого не хочет.

Даже если он говорит: «Меня спасать не нужно».

Глава 2. Чужая на войне

Лазаретная палатка встретила Марию запахом, от которого её желудок скрутило в тугой, тошнотворный узел ещё прежде, чем она переступила порог. Так пахли карболка, гниющая плоть и застарелый человеческий пот — запах, который не выветривается никогда, сколько ни жги можжевельных веток. В Петербурге болезнь облачалась в лавандовую воду, которой опрыскивали накрахмаленные простыни, и в горький аромат миндальных капель, подаваемых на серебряном подносе в будуаре, обитом лионским шёлком цвета слоновой кости. Здесь же не было ни серебра, ни шёлка, ни будуара. Только грубые холщовые тюфяки, пропитанные бурой, запёкшейся кровью, и стоны раненых — монотонные, животные, которые никто не пытался заглушить, потому что заглушать их было нечем и незачем.

Старый лекарь, седой немец с воспалёнными от недосыпа глазами и руками, перепачканными по локоть в чём-то тёмном, осмотрел Марию быстро и без малейшего трепета перед её титулом. Ссадины на внутренней стороне бёдер от долгой скачки — он лишь цокнул языком, — потрескавшиеся до крови губы, лёгкое обморожение мизинца на левой руке, который он бесцеремонно растёр какой-то жгучей мазью, пахнувшей скипидаром и гусиным жиром.

— Располагайтесь, графиня, — буркнул он, вытирая руки о кожаный фартук, и кивнул в сторону крошечной палатки, притулившейся на отшибе. — Только не советую привыкать к комфорту. Здесь он не предусмотрен.

Мария поблагодарила его кивком и осталась одна.

Она сидела на жёсткой походной койке, застеленной грубым солдатским одеялом из верблюжьей шерсти, и рассеянно разглядывала своё отражение в маленьком походном зеркальце, которое чудом уцелело в её багаже. Из зеркала на неё смотрела чужая женщина. Худая до прозрачности, с обветренным, облупившимся на горном солнце лицом и потрескавшимися губами. Её волосы, которые ещё недавно сияли уложенными локонами под бриллиантовыми гребнями, теперь сваялись в тусклый, безжизненный узел на затылке, перехваченный простой бечёвкой. А её дорожный редингот — тот самый небесно-голубой, парижский, подбитый серебристым мехом, предмет зависти петербургских модниц, — превратился в грязную, пропылённую тряпку, которую даже Жюстина, с её золотыми руками, не смогла бы вернуть к жизни.

Она усмехнулась своему отражению — горько, надломленно.

— И вот за это он должен меня простить? — прошептала она в тишину. — За эти лохмотья, за это лицо прачки?

Она отложила зеркальце и прикрыла глаза. Усталость навалилась свинцовой плитой, но сон не шёл. В голове, словно

назойливая муха, билась мысль: «Он сказал „завтра“. Он не прогнал меня. Это уже что-то».

Но тут же, следом за этой хрупкой надеждой, из тёмных глубин её души выползло нечто стыдное, липкое, от чего Мария вздрогнула и резко открыла глаза.

Она вдруг вспомнила Императора.

Не его удары. Не его холодный, оценивающий взгляд. А то, как он смотрел на неё после первой ночи — с торжеством завоевателя, с собственническим обожанием, с той странной, порочной нежностью, от которой у неё когда-то подкашивались ноги. Она вспомнила запах его табака и амбры, его низкий, рокочущий голос, когда он называл её «моя сладкая мятежница». Его руки — сильные, властные, умелые, — которые могли ласкать, а могли ударить, и никогда нельзя было угадать, что случится в следующую секунду. Она вспомнила, как замирало её сердце, когда он входил в комнату, и как этот страх был странно, неразрывно переплетён с возбуждением. Десять лет он был центром её вселенной. Десять лет она дышала только тогда, когда он позволял.

И — да поможет ей Бог — она поймала себя на том, что скучает.

Не по боли. Не по унижениям. А по тому извращённому, удушающему теплу, которое он дарил ей между вспышками гнева. По тому чувству, что она — пусть и вещь, но вещь особенная. Драгоценная. Любимая. И пусть его любовь была калечащей, отравленной эгоизмом и жестокостью, — это

была единственная любовь, которую она знала целых десять лет. Привычка, вьевшаяся под кожу, как яд, без которого ломит кости.

Мария зажмурилась и до боли сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони.

— Ты жалкая, — прошептала она сама себе. — Ты жалкая, ничтожная дура. Он бил тебя. Он насиловал тебя. Он угрожал отнять детей. А ты скучаешь по нему? По его голосу? По его рукам? После всего, что он сделал?

Слёзы — злые, обжигающие — потекли по её обветренным щекам, но она не замечала их. Она ненавидела себя в эту минуту так, как никогда никого не ненавидела. Даже Императора. Даже ту Марию, что сказала «нет» на балу. За то, что он всё ещё был там, внутри неё, — как заноза, как болель, как голос, который невозможно заглушить.

Она не заметила, как провалилась в тяжёлый, липкий сон, полный кошмаров. В этих снах Император стоял над ней с хлыстом в руке и улыбался своей страшной, ласковой улыбкой, а граф Александров, живой и невредимый, поворачивался к ней спиной и уходил в темноту, не оглядываясь. И она кричала ему вслед, но не могла издать ни звука.

Утро взорвалось криками.

Резкими, отрывистыми командами. Топотом десятков ног, сотрясающим мёрзлую землю. И леденящим душу, протяжным воем сигнального рожка, которого она никогда прежде не слышала. Мария проснулась рывком, словно её

толкнули в грудь, и в первые секунды не могла понять, где находится. Затем реальность обрушилась на неё всей своей тяжестью: запах карболки, грубое одеяло, её собственное отражение в зеркальце, полное ужаса.

Снаружи, за брезентовыми стенками палатки, творился ад. Она выбралась наружу, всё ещё в том же мятом дорожном платье, и едва не столкнулась с тем самым молодым поручиком, который накануне провожал её к лекарю. Его юное, безусое лицо было блее мела, а руки дрожали, когда он застёгивал португую.

— Что случилось?! — крикнула она, хватая его за рукав шинели.

— Горцы! — выдохнул он, и в его расширенных зрачках плескался чистый, незамутнённый ужас. — Отряд Шамиля прорвался через перевал! Они атакуют левый фланг, там сейчас резня! Граф Александров уже там, с первым батальоном!

Мария отпустила его рукав и замерла. Сердце ухнуло вниз, в самый живот, и там, в животе, мгновенно вырос ледяной, тугий ком. Она вспомнила вчерашний одинокий выстрел в горах. Так это был не случайный выстрел. Это был первый раскат грома.

Она бросилась через лагерь, не разбирая дороги, перепрыгивая через растяжки палаток и ящики с боеприпасами. Солдаты, строившиеся в шеренги, провожали её изумлёнными взглядами, но никто не пытался остановить. Она добежала до края временного бастиона — невысокой насыпи, укреп-

лётной мешками с песком, — и, вскарабкавшись наверх, замерла, парализованная открывшимся зрелищем.

Внизу, в ущелье, кипел бой.

Горцы — их были десятки, может быть, сотни, — чёрной лавиной спускались по отвесным склонам. Их мохнатые бурки развевались за спинами, как вороны крылья, а кривые сабли и кинжалы сверкали на утреннем солнце вспышками, похожими на смертоносные зарницы. Русская пехота, выстроенная в неровное каре, отбивалась штыками, но силы были неравны — Мария видела, как то тут, то там падают серые фигурки, чтобы уже не подняться. Пушки молчали. Артиллеристы ещё не успели занять позиции, и их отчаянная возня у орудий была похожа на танец смертников.

И где-то там, в самом центре этого кровавого водоворота, был он.

Мария вглядывалась в мешанину мундиров, бурок и лошадиных тел, пытаясь разглядеть знакомую фигуру. Визг рикошетищих о камни пуль, звон стали о сталь, крики на русском, на чеченском, на аварском — всё сливалось в один непрерывный, сводящий с ума гул.

И вдруг она увидела его.

Александров был в самом пекле схватки — пеший. Его лошадь, должно быть, убили первой. В одной руке он сжимал саблю, в другой — дымящийся пистолет. Его сюртук, тот самый простой армейский сюртук, который она вчера разглядывала с тайным сожалением, был разорван на плече, и

сквозь прореху алела свежая, ещё не запёкшаяся кровь. Но он сражался. Он двигался с той холодной, расчётливой яростью, на которую способны только очень опытные офицеры, не единожды смотревшие в лицо смерти. Он отбил удар горца, прикладом пистолета сбил с ног другого и что-то крикнул своим солдатам — слова потонули в шуме боя, но те, повинаясь его команде, начали медленно, организованно, смыкая ряды, отступать к бастиону.

Мария не могла отвести от него глаз.

В этом окровавленном, потном, разъярённом человеке не было ничего от того галантного кавалера, что когда-то склонился над ней на Невском проспекте. Его лицо было искажено гримасой боя, зубы оскалены, волосы слиплись от пота и пороховой гари. Но именно сейчас, в эту минуту, она вдруг поняла: вот он — настоящий граф Пётр Алексеевич Александров. Без маски светской вежливости, без сдержанных улыбок, без столичного лоска. Воин. Защитник. Мужчина, который не побоялся бросить вызов Императору и который сейчас, рискуя жизнью, прикрывает отступление своих людей, последним покидая поле боя.

И она поняла ещё кое-что, с той пронзительной, почти невыносимой ясностью, какая приходит лишь на краю гибели: она любит его. Не за титул, не за красивые глаза, не за благородные слова, сказанные на балу. А за это — за готовность умереть за других. За то, что он, в отличие от Императора, не берёт, а отдаёт. За то, что его сила направлена не

на разрушение, а на защиту.

Бой закончился так же внезапно, как и начался. Горцы, отброшенные штыковой контратакой подоспевшего резерва, отступили обратно в горы, унося с собой раненых и убитых. Русские потери были тяжелы, но фронт удержали. Мария, всё ещё стоя на бастионе, видела, как Александров, шатаясь от усталости и потери крови, идёт к лагерю. Его левый рукав пропитался алым до самого запястья, лицо было серым от пыли и порохового дыма, но он шёл сам, отказываясь от помощи санитаров, которые пытались его поддержать.

Мария бросилась к нему, не помня себя.

— Вы ранены! — выкрикнула она, хватая его за здоровую руку. — Вас нужно немедленно к лекарю! Вы истекаете кровью!

Он остановился и медленно, с видимым усилием, повернул к ней голову. В его серых глазах, воспалённых и глубоко запавших, мелькнуло что-то — не благодарность, нет, скорее мрачное раздражение, смешанное с удивлением.

— Это царапина, — произнёс он глухим, надтреснутым голосом. — Не суетитесь, графиня. Отойдите.

— Царапина?! — Мария не верила своим ушам. Её голос сорвался на крик. — У вас рукав насквозь мокрый от крови! Вы едва на ногах стоите!

— Я знаю, когда истекаю, а когда нет, — отрезал он, и в его тоне прорезалась та самая сталь, которую она уже научилась распознавать. — Меня спасти не нужно. Я уже имел

честь сообщить вам это. И я не нуждаюсь в вашей помощи.

Он выдернул свою руку из её хватки — резко, почти грубо, — и, не сказав больше ни слова, двинулся дальше, к лазаретной палатке. Мария осталась стоять посреди лагеря, под любопытными, сочувствующими взглядами солдат. Она чувствовала, как горят её щёки, как к горлу подступает комок обиды и унижения.

Она хотела броситься за ним, но в этот самый момент её взгляд упал на человека, который стоял у штабной палатки.

Это был офицер в форме фельдъегеря — запылённой, явно с дальней дороги. В его руке была зажата депеша — плотный конверт из синеватой бумаги, перевязанный чёрным шнуром и запечатанный большой сургучной печатью с оттиском, который Мария узнала бы из тысячи. Двуглавый орёл. Императорская печать.

Она видела, как фельдъегерь, склонившись к уху полковника Воронцова, что-то негромко докладывал. И как вытянулось, закаменело лицо полковника. Как он бросил быстрый, тревожный взгляд в спину удаляющегося Александра — взгляд, в котором читался не просто испуг, а самое настоящее, чёрное предчувствие беды.

И в этот момент Мария поняла с леденящей, тошнотворной ясностью: Император не забыл. Император не простил. И эта депеша содержит в себе нечто, что изменит всё. Его месть настигла их даже здесь, на краю земли, среди гор и смерти. И теперь эта месть лежала в руках полковника Во-

ронцова, ожидая лишь часа, чтобы быть оглашённой.

Она не знала, что именно написано в тех бумагах. Но её сердце, десять лет жившее в страхе перед этим человеком, уже сжалось в предчувствии неотвратимой, чудовищной катастроф

Глава 3. Тень Императора

Утро следующего дня началось не с сигнального рожка, не с далёкой канонады, а с гнетущей, звенящей тишины, которая показалась Марии страшнее любого боя. Лагерь замер в тревожном ожидании. Солдаты у костров переговаривались вполголоса, офицеры избегали смотреть друг на друга, а полковник Воронцов заперся в штабной палатке и не выходил оттуда уже несколько часов. Деша, которую привёз фельдъегерь, лежала на его походном столе, и Мария знала — чувствовала каждым своим нервом, — что содержание этой бумаги касается её. Или, что ещё хуже, его.

Она попыталась занять себя делом. Старый лекарь, который, казалось, проникся к ней неожиданной симпатией, позволил ей помогать в лазарете: менять повязки, подавать воду раненым, держать за руку умирающего солдата, который в бреду звал какую-то Аню. Руки Марии, привыкшие к муфтам, веерам и флаконам с духами, теперь были перепачканы карболкой и чужой кровью. Но эта работа странным образом успокаивала её. Здесь, среди стонов и запаха смерти, она чувствовала себя нужной. Не драгоценной игрушкой, не чьей-то собственностью — а просто человеком, который может помочь.

Но даже здесь, среди раненых, мысли об Императоре не

оставляли её.

Они всплывали внезапно — как отравленные пузыри со дна болота. Вот она меняет повязку молодому солдату с забинтованной грудью, а перед глазами встаёт Зимний дворец. Свечи, музыка, блеск эполет. Его голос, низкий и рокоचущий: «Моя драгоценная графиня, вы сегодня особенно хороши». И она помнит, как замирало сердце от этих слов — не от любви, нет, от какого-то мучительного, рабского восторга, который он умел вызывать одной лишь интонацией.

Вот она подаёт воду умирающему, а перед глазами — его рука с перстнем на указательном пальце, протягивающая ей бокал шампанского. «За ваши глаза, Мари. Они горят, когда вы злитесь. Я люблю, когда вы злитесь». И она, против воли, улыбалась тогда, забывая о синяках, которые прятала под кружевом.

«Как можно скучать по тому, кто тебя уничтожал? — думала она, и пальцы её, сжимавшие влажную тряпку, дрожали. — Как можно тосковать по рукам, которые тебя били? По голосу, который угрожал отнять детей? Что со мной не так? Почему я не могу вырвать его из себя, как гнилой зуб?»

Она не находила ответа. Знала только, что эта проклятая тоска — ещё одно доказательство его власти над ней. Он искалечил не только её тело, но и душу, сделав её зависимой от своей жестокости. И теперь, даже сбежав за тысячи вёрст, она всё ещё несла его в себе, как заразу, от которой нет лекарства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.